

можно отнести историков, писавших свои диссертации непосредственно у Ключевского, а к младшему — тех, кто учился не только (да и не столько) у Ключевского, сколько уже у его учеников. Именно они и стали представителями нового поколения московских исследователей. К ним следует отнести Ю.В. Готье, который занимал связующее положение между старшим и младшим поколениями, а также С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.Б. Бахрушина. Научная деятельность этих историков позволяет наглядно проследить эволюцию и трансформацию Московской исторической школы. Казалось, было бы естественно включить в этот круг и такого выдающегося ученого, как В.И. Пичета, окончившего Московский университет в 1901 г., но его творчество представляется скорее сплавом московской и киевской традиции и является слишком специфическим, чтобы рассматривать его в рамках данной работы. Своеобразную архивоведческую направленность приобрело творчество и другого представителя этого поколения — С.К. Богоявленского. Тем не менее стоит отметить, что многие черты, присущие выделенным в качестве объекта исследования ученым, были свойственны и В.И. Пичете, и С.К. Богоявленскому.

4. Литература о жизни и творчестве Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина

В отечественной историографической литературе до сих пор отсутствуют работы, в которых творчество Готье, Веселовского, Яковлева и Бахрушина рассматривалось как нечто цельное. И все же анализу их жизни и научной деятельности посвящен внушительный комплекс работ. Условно этот массив литературы можно разделить на несколько частей: 1) учебники и учебные пособия, а также обобщающие труды по истории исторической науки; 2) работы, в которых указанные историки рассмотрены в рамках крупных историографических проблем; 3) монографии и статьи, освещающие индивидуальное творчество.

Первый пласт литературы, благодаря своей распространенности, заслуживает особого внимания. Пособия, в силу относительно невысокого количества историографических работ, также должны активно использоваться в историографических исследованиях. Первой в этом ряду стоит известная работа Н.Л. Рубинштейна «Русская историография». Автор рассматривает Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.Б. Бахрушина как составную часть «школы Ключевского». Готье, Бахрушина и Яковлева он причисляет к «младшим представителям» этой школы, у которых «экономическая проблематика выступает отчетливее [чем у их старших коллег. — В.Т.] и еще более приближает

их работы к современности»¹. В целом, их творчество было оценено как эволюция Московской школы. Отдельно анализируется Веселовский, которого автор причисляет к историко-юридическому направлению. Он отмечает блестящее знание Веселовским актового материала, но при этом пишет: «Все его [Веселовского. — В.Т.] попытки перейти к реальной интерпретации исторических явлений остаются в рамках основной историко-юридической концепции, обращены к крайним положениям исторической схемы Ключевского»². Таким образом, Веселовский все-таки рассматривался в рамках «школы Ключевского», которого Рубинштейн также считал синтезатором исторического экономизма и наследия историко-юридической школы. В данном случае видимая разница оценок объясняется тем, что Ключевского нередко относили (и относят) к государственной школе, в то время как многие (в том числе и автор этой работы) историографы считают, что Ключевский сумел выйти за рамки государственной школы.

Немало внимания уделено Ю.В. Готье, С.Б. Веселовскому, А.И. Яковлеву и С.Б. Бахрушину в фундаментальных «Очерках истории исторической науки в СССР». В них творчество историков также не рассматривается как целостный феномен, но автор раздела об исторической науке начала XX в. Л.В. Черепнин указал, что «из „школы“ Ключевского вышел ряд историков, которые впоследствии отдали свои знания делу развития советской исторической науки (Ю.В. Готье, В.И. Пичета, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев и др.)»³. Данное издание представляет интерес благодаря оценкам (впрочем, нередко устаревшим) отдельных работ ученых. На высоком историографическом уровне Л.В. Даниловой написан раздел, касающийся изучению феодализма в V томе «Очерков...». Анализ работ Готье, Бахрушина и Яковлева, проделанный исследовательницей, до сих пор не потерял своего значения⁴.

Деятельность исследуемых ученых затрагивалась и в известном пособии по историографии под редакцией В.Е. Иллерицкого и А.И. Кудрявцева. Один из авторов, И.К. Додонов, отметил «известное влияние воззрений Ключевского» на Ю.В. Готье и С.В. Бахрушина⁵. Большое количество оценок отдельных работ Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского,

¹ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 500.

² Там же. С. 513.

³ *Очерки истории исторической науки в СССР* (далее — ОИИН). Т. III. С. 317.

⁴ Данилова Л.В. Изучение истории средневековой России // ОИИН. Т. V. С. 110–187.

⁵ *Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции* / Под ред. В.Е. Иллерицкого, А.И. Кудрявцева. М., 1961. С. 316.

А.И. Яковлева и С.Б. Бахрушина можно найти и в учебнике под редакцией И.И. Минца¹. Характерной чертой данных учебных пособий, кроме их, безусловно, положительного значения для развития и пропаганды историографии в тех конкретных условиях, являлись идеологическая заданность, априорное осуждение наследия «буржуазной» исторической науки, что наложило свой отпечаток на оценку работ представителей Московской исторической школы.

Во многом в рамках советской историографической традиции было написано учебное пособие А.Л. Шапиро². Тем не менее данная работа отличается стремлением к объективистскому подходу и содержит ряд очень ценных наблюдений и замечаний касательно представителей младшего поколения московских историков. К категории обобщающих трудов относится и известная книга русско-американского историка Г.В. Вернадского³, впервые опубликованная в России в 1998 г. В ней даны краткие очерки жизни и деятельности большинства наиболее заметных историков России. Большим недостатком работы является то, что Вернадский писал ее в эмиграции, будучи удаленным от необходимых ему источников, многие вещи он записывал по памяти, что привело к множеству ошибок. Интересующие нас историки расположены в издании под рубрикой «Ученики Ключевского».

Заслуживает внимание и пособие С.П. Бычкова и В.П. Корзун, где отдельная глава отведена теме «В.О. Ключевский и его ученики»⁴. Продолжение эта проблема нашла в коллективной монографии «Очерки истории отечественной исторической науки XX века», где В.П. Корзун также высказывается по вопросу поколений в Московской исторической школе⁵ (см. с. 000 данного издания).

Вторым комплексом литературы являются монографии, посвященные тем или иным проблемам развития отечественной исторической науки, где затрагивается научное наследие изучаемых историков.

Хронологически первой в этом ряду можно поставить монографию Г.Д. Бурдея, освещавшую развитие советской исторической науки в годы Великой Отечественной войны⁶. Монография насыщена кон-

¹ *Историография истории СССР. Эпоха социализма* / Под ред. И.И. Минца. М., 1982.

² *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 года. СПб.; Тверь, 1993.

³ *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 2003.

⁴ *Бычков С.П., Корзун В.П.* Введение в отечественную историографию XX века. Омск, 2001. С. 77–96.

⁵ *Корзун В.П.* В.О. Ключевский и его ученики // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 41.

⁶ *Бурдей Г.Д.* Историк и война. Самара, 1991.

кретным материалом, позволившим автору поставить ряд важных и новых вопросов для того времени. В книге подробно разобрана организация научно-исторических институтов в годы войны, а одна из глав посвящена проблеме влияния Сталина на советскую историографию. На стыке исследования, публицистики и мемуаров написана книга известного историка В.Б. Кобрин¹. Особый интерес в ней представляют воспоминания о многих выдающихся историках.

На высоком историографическом уровне написана уже упоминавшаяся монография А.Н. Шаханова «Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX в. Московский и Петербургский университеты». Несмотря на то что она большей частью касается более ранних периодов развития отечественной исторической науки, в ней немало верных общих замечаний и конкретных наблюдений касательно и младшего поколения Московской школы. Он заметил, что «младшему поколению учеников Ключевского... принадлежит приоритет в широкой постановке вопросов социально-экономической истории XVII в.»².

Большой интерес представляет монография Т.И. Хорхординой, посвященная развитию архивоведческой мысли в России³. В ней большое внимание уделено анализу взглядов Ю.В. Готье и С.Б. Веселовского на отечественное архивное дело. В монографии А.М. Дубровского затрагивается важная проблема для развития исторической науки 1920–1950-х гг. — взаимоотношение историков-профессионалов и властвующих структур⁴. Беспристрастный анализ отечественной историографии, посвященной изучению феодальных аграрных отношений, можно найти в нарочито объективистски написанной книге Н.А. Горской⁵. Автор воздержалась от обобщающих оценок, но конкретный разбор научной литературы в большинстве случаев представляется сделанным на высоком уровне и адекватным реальности. Заметным событием стала публикация исследования Л.А. Сидоровой о взаимоотношении в середине XX в. трех поколений историков. Ученики Ключевского были отнесены к «старшему поколению»⁶.

¹ Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992.

² Шаханов А.Н. Указ. соч. С. 219.

³ Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М., 2003.

⁴ Дубровский А.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.

⁵ Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006.

⁶ Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений. М., 2008.

Важнейшей частью историографии темы являются исследования, освещающие индивидуальную жизнь и научную деятельность историков. Рассмотрение ее стоит начать с работ о самом старшем из указанных ученых, Ю.В. Готье. Жизни и творчеству Ю.В. Готье посвящена довольно обширная литература. Колоссальное значение в изучении научной биографии историка принадлежит до сих пор единственной библиографии (конечно же, неполной) трудов ученого, составленной Н.М. Асафовой при участии самого Готье¹.

Отправной точкой изучения наследия академика стал вечер памяти, прошедший в Отделении истории и философии АН СССР 28 марта 1944 г. На нем выступили с докладами С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский, Б.А. Рыбаков и В.П. Любимов². Выступления Бахрушина и Богоявленского стали основами их последующих статей о Готье.

Первая серия публикаций, освещавших научную биографию ученого, вышла после его смерти. Уже эти работы, в которых рассматривались различные аспекты деятельности Ю.В. Готье, были ориентированы на серьезный анализ научного наследия академика³.

В своей статье С.В. Бахрушин, друг и коллега покойного, писал, что «Ю. В. Готье являлся живым звеном между прошлым и настоящим русской исторической науки, между лучшими традициями этого прошлого и новыми научными достижениями советских историков»⁴. Автор смело относит Готье к представителям «школы Ключевского», отмечая его большое влияние на Готье. «Ученик и последователь В. О. Ключевского, Ю.В. Готье воспринял от своего учителя все самые сильные стороны его исследовательского метода: строго критический подход к источникам и тщательную их разработку, исчерпывающую документацию, детальное

¹ Асафова Н.М. Ю.В. Готье: Мат-лы к библиографии ученых СССР. Серия: История. Вып. 1. М., 1941.

² АРАН. Ф. 457. Оп. 1-а (1944). Ед. хр. 36.

³ Бахрушин С.В. Ю.В. Готье // Исторический журнал. 1944. № 2–3. С. 74–79; Богоявленский С.К. Академик Ю.В. Готье // Известия. АН СССР. Сер.: История и философия. 1944. Т. 1, № 3. С. 109–115; Пичета В.И. Академик Ю.В. Готье // Вестник АН СССР. 1944. № 3. С. 123–126; Он же. Академик Ю.В. Готье // Исторические записки. М., 1945. Кн. 15. С. 301–314; Он же. Труды Ю.В. Готье по истории Литвы // Московский государственный университет: Доклады и сообщения исторического факультета. М., 1945. Вып. 1. С. 17–20; Арциховский А.В. Ю.В. Готье как археолог // Там же. С. 21–24; Новицкий Г.А. Академик Ю.В. Готье // Там же. С. 13–17; Юрий Владимирович Готье (1873–1943) // Вестник древней истории. 1946. № 1. С. 215; Рубинштейн Н.Л. Памяти академика Ю.В. Готье // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 87. С. 156–160.

⁴ Бахрушин С.В. Ю.В. Готье... С. 74.

изучение фактов»¹. Автор отмечает устойчивость методики исторического исследования, присущей Готье. Следование научной традиции, по мнению Бахрушина, позволило ученому оставить след в самых различных сферах исторического знания².

Другой автор, не менее близко знавший Готье, чем Бахрушин, В.И. Пичета, также отмечал широту научного поиска историка³. Он заметил, что тематика работ Готье определялась «общим состоянием русской исторической науки»⁴, тем самым указывая на актуальность его научного творчества и оправдывая недостатки трудов Готье. По мнению Пичеты, «Ю.В. Готье должен был стать в ряды тех исследователей, которые ушли от традиций историко-юридической школы и сосредоточили свое внимание на изучении вопросов экономического быта»⁵. В этой связи особое место в творчестве ученого занимала монография «Замосковский край в XVII веке», в которой, впрочем, по мысли Пичеты, «материал дается в отрыве от глубоких социальных процессов, от острой классовой борьбы»⁶.

Серия статей о жизни и творчестве Готье была помещена в сборник «Московский государственный университет. Доклады и сообщения исторического факультета». Здесь авторы касались самых различных сторон деятельности историка. Так, Пичета рассмотрел его работы по истории Русско-Литовского государства⁷. А.В. Арциховский проанализировал вклад ученого в археологию, отметив, что «одной из главных научных заслуг академика Ю.В. Готье является объединение истории и археологии»⁸.

Большой интерес, в силу глубины историографического анализа научного наследия Готье, представляет статья Н.Л. Рубинштейна⁹. Он отметил сильное влияние на историка не только его непосредственного учителя В.О. Ключевского, но и П.Г. Виноградова. По словам Рубинштейна, работы Готье, несмотря на широту тематики, были написаны на самом высоком уровне. Автор выделил три характерные черты научно-

¹ Там же.

² Там же. С. 77.

³ Пичета В.И. Академик Ю.В. Готье... С. 303.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 304.

⁶ Там же. С. 304–305.

⁷ Пичета В.И. Труды Ю.В. Готье по истории Литвы // Московский государственный университет: Доклады и сообщения исторического факультета. М., 1945. Вып. 1. С. 17–20.

⁸ Арциховский А.В. Ю.В. Готье как археолог... С. 21.

⁹ Рубинштейн Н.Л. Памяти академика Ю.В. Готье // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 87. С. 156–160.

го творчества Готье: 1) «мобилизация новых источников и предельная интенсивность их использования»; 2) «конкретность исследования, достигаемая путем внешнего ограничения объектов изучения»; 3) «указанная конкретность исторического изучения при первом, поверхностном знакомстве с работой историка иногда воспринимается как господство факта, частного, отказ от обобщения. В действительности, служа предельной интенсивности изучения материала, она, напротив, соединяется с большой полнотой и широтой научного обобщения»¹. В заключении Рубинштейн написал, что Готье как историку была свойственна социальная направленность исторического исследования.

В 1973 г. в связи со 100-летием со дня рождения историка в МГУ им. М.В. Ломоносова была проведена конференция², участники которой (Б.А. Рыбаков, П.А. Зайончковский, Ю.А. Поляков и др.) отметили весомый вклад Готье в развитие отечественной исторической науки. Тогда же, в связи с юбилеем, в печати появились статьи Т.А. Смелой и В.В. Галахова о научно-общественной деятельности ученого, а также сообщение С.Б. Филимонова об обнаруженных в отделе рукописей РГБ тезисах доклада академика «Историческое значение Московской губернии и задачи ее изучения» (от 1 мая 1925 г.)³.

Новый всплеск интереса к Готье пришелся на 1990–2000-е гг. в связи с общим интересом к историкам «старой школы» и их роли в отечественной историографии⁴. М.В. Мандрик в своей статье⁵ указала на тесную связь творчества ученого с научным наследием его учителя Л.В. Ключевского. «Но в то же время историк Ю.В. Готье всегда шел своим путем»⁶.

¹ Там же. С. 157–159.

² *Борисов Н.С.* Столетие Ю.В. Готье // *История СССР*. 1975. № 4. С. 231–232.

³ *Смелая Т.А.* Академик Ю.В. Готье (к 100-летию со дня рождения) // *Советские архивы*. 1973. № 4. С. 42–45; *Галахов В.В.* Историографические материалы в фондах академика Ю.В. Готье // *Археографический ежегодник за 1973 год*. М., 1974. С. 236–237; *Филимонов С.Б.* Рукопись Ю.В. Готье // *Советские архивы*. 1973. № 4. С. 102.

⁴ *Emelianov J.N.* Gotie Juri Vladimirovich // *Great Historians of the Modern Age. An international dictionary*. N. Y.; London, 1991; *Он же:* Ю.В. Готье // *Историки России. Биографии*. М., 2001. С. 516–523; *Мандрик М.В.* К 125-летию со дня рождения историка Ю.В. Готье // *Клио*. 1998. № 1. С. 248–263; *Она же.* Ю.В. Готье // *Ежегодник Северо-Западной академии государственной службы*. СПб., 1999; *Она же.* «Я не марксист и за марксиста себя не выдаю»: историк Ю.В. Готье и «Академическое дело» // *Исследования по русской истории: Сб. ст. к 65-летию И.Я. Фроянова*. СПб.; Ижевск, 2001. С. 327–356.

⁵ *Мандрик М.В.* К 125-летию со дня рождения историка Ю.В. Готье... С. 248–263

⁶ Там же. С. 248.

Автор разделяет научную жизнь историка на два этапа: с начала XX в. до 1930 г. и с 1934 по 1943 г.¹ Кроме того, в работе есть много ценных фактов и отдельных замечаний. В своей другой работе М.В. Мандрик осветила факт репрессий по отношению к Готье в ходе так называемого «Академического дела»². Рассмотрев на основе архивных документов все перипетии хода дела, исследователь пришла к выводу, что его последствия были катастрофическими для дальнейшего творчества ученого: «Готье после освобождения не приступил ни к одному крупному исследованию. Его творческая инициатива была подавлена»³. В статье Л.Г. Соболева были проанализированы дневниковые записи историка как источник по настроениям российской интеллигенции в 1917 г.⁴ Завершить обзор можно статьей Ю.Н. Емельянова, который, осветив основные вехи жизни историка, подчеркнул его принадлежность к Московской школе Ключевского⁵.

Итак, подводя итоги историографическому обзору работ, посвященных жизни и научному наследию Готье, отметим, что общим местом является отнесение этого ученого к Московской школе или «школе Ключевского». В указанных исследованиях можно найти множество верных оценок, важных фактов, тем не менее многие стороны деятельности ученого остаются неосвещенными, его научная биография не вписана в контекст эволюции Московской исторической школы. Более того, до сих пор отсутствует обобщающая работа, посвященная выдающемуся ученому.

Историографическая традиция изучения наследия Веселовского отличается определенными перекосами и непоследовательностью, о чем свидетельствует и отсутствие крупных работ об ученом. Долгое время об историке, умершем в 1952 г., не публиковалось исследований. Очевидно, это было связано с той напряженной ситуацией, которая сложилась вокруг ученого после публикации его книги «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси»⁶. В печати после его смерти появился лишь один некролог⁷. Спустя некоторое время такое положение начало меняться. Первоначально повышенный интерес вызвало неопубликованное наследие историка. Первые работы о нем носили

¹ Там же. С. 249.

² Мандрик М.В. «Я не марксист и за марксиста себя не выдаю»: историк Ю.В. Готье и «Академическое дело»...

³ Там же. С. 350.

⁴ Соболев Л.Г. Дневник Ю.В. Готье как источник о настроениях российской интеллигенции в 1917 г. // История и революция. СПб., 1999. С. 184–188.

⁵ Емельянов Ю.Н. Ю.В. Готье... С. 516, 519.

⁶ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947.

⁷ Академик С.Б. Веселовский [Некролог] // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1952. Т.9, № 1. С. 50.

архивоведческий и археографический характер. В них звучал призыв организовать планомерную публикацию документального наследия С. Веселовского¹.

Начало следующего этапа в изучении творчества историка совпало со столетием со дня его рождения в 1976 г. В тезисах и статье В.Д. Назарова анализировалась концепция эволюции феодального землевладения Веселовского². Автор относил его к государственно-правовой школе на ее позднем этапе развития³. Он также отметил, что «общеисторические взгляды С.Б. Веселовского нередко противоречивы и непоследовательны»⁴. Кроме всего прочего, важной чертой исследовательского почерка ученого В.Д. Назаров называет и «стремление... проникнуть в мысли и чувства людей далекого прошлого», т. е. историко-антропологическую направленность его творчества. В целом автор охарактеризовал Веселовского как крупнейшего знатока русского средневековья, который, впрочем, не смог воспринять марксистский подход в истории.

В 1977 г. вышел сборник статей в честь ученого⁵. В нем особого внимания заслуживают две первые статьи, написанные Л.В. Черепниным и М.Е. Бычковой. В статье Черепнина, который лично знал С. Веселовского, тесно переплелись личные воспоминания автора и тонкий анализ историографического наследия ученого⁶. Статья Черепнина являлась первой работой, в которой был хотя бы кратко показан весь творческий путь Веселовского. Многие мысли автора сохранили свою актуальность и для современных историографов. Значительный интерес представ-

¹ *Левшин Б.В.* Издание трудов академика С.Б. Веселовского // История СССР. 1958. № 5. С. 250; *Он же.* Обзор документальных материалов фонда академика С.Б. Веселовского // АЕ. 1958. М., 1960. С. 257–266; *Он же.* Библиография трудов С.Б. Веселовского // АЕ. 1968. М., 1970. С. 401–404; *Дубинская Л.Г.* Издание научного наследия С.Б. Веселовского // АЕ. 1976. М., 1977. С. 315–316.

² *Назаров В.Д.* Историографические и источниковедческие итоги изучения феодального землевладения академика С.Б. Веселовского // XXV съезд КПСС и задачи историков-аграрников: XVI сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. (Кишнев, 29 сентября — 2 октября 1976 г.). М., 1976. С. 201–205; *Он же.* Проблемы феодального землевладения в трудах академика С.Б. Веселовского // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978. С. 212–230.

³ *Назаров В.Д.* Проблемы феодального землевладения в трудах академика С.Б. Веселовского... С. 217.

⁴ Там же. С. 218.

⁵ *История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований.* М., 1977.

⁶ *Черепнин Л.В.* Степан Борисович Веселовский (творческий путь) // История и генеалогия... С. 9–41.

ляет и статья М. Бычковой, анализировавшей генеалогические штудии историка¹. По ее словам, Веселовский «возродил генеалогическое исследование в советской исторической науке»². Особенно подчеркивалось то, что историк в своих работах продемонстрировал широкие возможности использования генеалогической информации в исторических исследованиях³.

Заметным событием стала публикация небольшой монографии В.Б. Кобрин и К.А. Аверьянова, посвященной жизни и научной деятельности Веселовского⁴. Авторы значительное внимание уделили рассмотрению техники исторического исследования историка, его взглядов на задачи исторической науки, проанализировали конкретно-исторические работы. Большим плюсом издания стало то, что в качестве приложения была опубликована библиография трудов С. Веселовского и трудов о нем.

На современном этапе изучения научной биографии ученого стоит отметить попытки по-новому взглянуть на его творчество, чему во многом способствовала публикация ранее неизвестных дневников историка⁵. Так, в статье публикатора дневников, А.Л. Юрганова, автор пытается рассмотреть жизнь Веселовского как психологическую драму ученого и человека⁶. Продолжает эту линию статья Н. Северной, привлечшей к анализу дневников наработки современной психологии⁷. Большим подспорьем в анализе жизни ученого стала публикация его переписки. Автор вводной статьи и один из публикаторов А.М. Дубровский во введении утверждал, что С. Веселовский был из тех историков, которые не принадлежали ни к какой школе, являясь самодостаточной фигурой⁸. Последней крупной работой, посвященной обзору всего творческого пути историка, стала статья Д. Спорова

¹ Бычкова М.Е. Степан Борисович Веселовский — генеалог // Там же. С. 42–56.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 56.

⁴ Кобрин В.Б., Аверьянов К.А. С.Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1989.

⁵ С.Б. Веселовский. Дневники 1915–1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2, 3, 6, 8–12; 2001. № 2.

⁶ Юрганов Ю.Л. «Все это ушло далеко в вечность»: Дневник и жизнь С.Б. Веселовского // URL: <http://if.russ.ru/issue/7/20011129-urgan.html>.

⁷ Северная Н. Веселовский Степан Борисович или эмигрант по призванию // URL: http://www.wplanet.ru/text_print.php?id=4347.

⁸ Дубровский А.М. Ученый и его наука в письмах // Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М., 1998. С. 8.

и С. Шокарева¹. Авторы рассмотрели деятельность Веселовского через призму его взаимодействия с властью, отметив его последовательный антимарксизм.

На фоне Готье и Веселовского достаточно скудной представляется история изучения творчества А.И. Яковлева. Нельзя сказать, что научное наследие ученого было обойдено вниманием исследователей. Тем не менее посвященные ему работы, как правило, представляют собой либо краткие очерки его жизни, либо касаются отдельных аспектов деятельности. Обобщающего исследования об этом выдающемся историке до сих пор нет.

Первым в этом ряду стоит статья В.Н. Бочкарева, ставшая первой работой, где рассматривался творческий путь историка, его место в отечественной историографии. Автор безапелляционно относит Яковлева к «исторической школе Ключевского». Он высоко оценивает исследовательскую и археографическую деятельность историка, обходя трудные моменты его карьеры². После этой статьи историографическое осмысление наследия Яковлева надолго прервалось. Возвращение интереса к А.И. Яковлеву носило архивоведческий и археографический характер³. Всплеск внимания к историку наблюдается в 1990–2000-е гг. В контексте изучения истории чувашской интеллигенции исследовали творчество Яковлева Н.Г. Краснов⁴ и Г.А. Александров⁵. Г.А. Александров в 2003 г. опубликовал в «Вопросах истории» статью, посвященную непосредственно А. Яковлеву⁶. К сожалению, кроме новых ценных фактических данных, вводимых автором в научный оборот впервые, статья грешит очевидными заимствованиями из старой работы В.Н. Бочкарева и,

¹ Споров Д., Шокарев С. Историк Московского государства в Сталинской России: К биографии С.Б. Веселовского (1876–1952) // URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/78/spo6.html>.

² Бочкарев В.Н. Алексей Иванович Яковлев // Записки Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1952. № 15. С. 101–120.

³ Душинов С.М. К истории отечественной археографии (издания, подготовленные А.И. Яковлевым) // Археографический ежегодник. 1976. М., 1977. С. 111–120; *Он же*. Личные фонд А.И. Яковлева в Архиве АН СССР // Советские архивы. 1981. № 5. С. 48–52.

⁴ Краснов Н.Г. Иван Яковлев и его потомки. Чебоксары, 1998. С. 300–311.

⁵ Александров Г.А. Историк А.И. Яковлев // Александров Г.А. Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. Чебоксары, 2002. С. 172–201; *Он же*. Прекрасный работник для русской науки и школы // Ученые: Иллюстр. изд.: В 4 т. Чебоксары, 2006.

⁶ Александров Г.А. Алексей Иванович Яковлев — историк, археограф, педагог // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 151–158.

более того, иногда откровенным плагиатом. Последней заметной работой о Яковлеве стала статья В.Т. Клапюка о преподавании ученого в библиотечном институте¹. Характерной чертой историографии, посвященной А. Яковлеву, является практическое отсутствие попыток вписать его творчество в контекст развития отечественной исторической науки.

Наиболее обширная историография посвящена С.В. Бахрушину. Это объясняется не только масштабом ученого и его заслугами перед исторической наукой, но и тем, что Бахрушин единственный из перечисленных ученых сумел «вписаться» в советскую историческую науку, став ее признанным классиком.

Первый этап изучения наследия ученого связан, как это часто случается, с откликами на его смерть. В некрологах единодушно указывалось на его неопределимый вклад в историческую науку². С. Токаревым была высказана мысль, что С. Бахрушину «больше, чем кому-либо из историков, советская наука обязана тем сближением между историей и этнографией, которое так благотворно сказалось на развитии обеих отраслей знания»³. Серьезные аналитические работы появились спустя некоторое время после смерти историка. В начавшемся тогда публиковаться собрании сочинений историка вступительную статью написал В.И. Шунков⁴. В ней автор также указывал на огромное значение Бахрушина для развития советской историографии. Им же были рассмотрены взгляды Бахрушина на историю Сибири⁵. По его мнению, работы ученого по истории этого региона отличались в основном: «новой постановкой вопроса о характере русской колонизации и выяснением роли в ней торгово-промышленного населения, настойчивой разработкой истории отдельных народов Сибири и постановкой вопроса о характере их социально-экономического строя, введением в научный оборот огромного свежего конкретно-исторического материала, крупным вкладом в развитие ис-

¹ *Клапюк В. Т. А. И. Яковлев — историк, педагог, библиотекарь, библиограф: (К 60-летию великой победы и 75-летию МГУКИ) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2005. № 2. С. 144–150.*

² *Исторические работы С.В. Бахрушина // Вопросы истории. 1950. № 6; С.В. Бахрушин [Некролог] // Вопросы истории. 1950. № 3. С. 157–159; С.В. Бахрушин: [Некролог] // Вопросы географии. Сб. 20: Историческая география СССР. М., 1950. С. 5–9; Сергей Владимирович Бахрушин // Преподавание истории в школе. 1950. № 2. С. 92–93.*

³ *Токарев С. С.В. Бахрушин: [Некролог] // Советская этнография. 1950. № 2. С. 222–223.*

⁴ *Шунков В.И. Сергей Владимирович Бахрушин // С.В. Бахрушин. Научные труды: В т. I. М., 1952. С. 5–8.*

⁵ *Он же. Труды С.В. Бахрушина по истории Сибири // С.В. Бахрушин. Научные труды. Т. III. Ч. 1. М., 1955. С. 5–12.*

точниковедения и историографии Сибири, деятельностью по подготовке новых научных кадров-историков Сибири и популяризации сведений по истории Сибири»¹. Особого внимания заслуживает статья А.И. Андреева, посвященная разбору исследований С. Бахрушина о Сибири². Он подчеркнул, что труды Бахрушина дали мощный импульс развитию изучения Сибири во всех ее аспектах. Также высоко оценил деятельность покойного ученого и Б.Б. Кафенгауз³. В работе А.А. Зимина, вышедшего из творческой лаборатории маститого ученого, отмечается, что в начале своего творческого пути историк вел исследования с позиций школы Ключевского и лишь затем начал переходить на марксистские позиции⁴. Указал он и на новаторство ученого в решении многих исторических проблем. Стоит отметить, что на данном этапе изучения творчества Бахрушина сложно было сделать всестороннюю и адекватную оценку его места в исторической науке, требовалось комплексное изучение его наследия, в том числе и неопубликованного.

Именно такая задача встала перед последующими исследователями его творчества. Большое значение в этом сыграли Чтения памяти С.В. Бахрушина, проводившиеся с 1966 г. В первом сборнике этих чтений была опубликована совместная статья А.П. Окладникова и А.Н. Копылова, где ими анализировалось изучение историком Сибири. По их словам, в последних работах «С.В. Бахрушин выступает как историк-марксист, как убежденный и страстный сторонник той концепции исторического процесса в Сибири, которая противоположна взглядам старой буржуазной и дворянской науки»⁵. Впрочем, подобная идеологизированная оценка была необходимой составляющей для санкции на дальнейшее изучение научной биографии ученого. В 1973 г. вышла в свет статья А.Д. Колесникова, впервые анализирующая такую важную составляющую концепции историка, как историю колонизации⁶.

Повышенным интересом к личности и трудам С. Бахрушина характеризуется конец 1970-х — начало 1980-х гг., что было вызвано не толь-

¹ Там же. С. 12.

² Андреев А.И. С.В. Бахрушин — историк Сибири // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 157. Факультет народов Севера. Вып. 2. Л., 1953. С. 246–254.

³ Кафенгауз Б.Б. С.В. Бахрушин // Ученые записки МГУ. Вып. 156. М., 1952. С. 258–262.

⁴ Зимин А.А. Творческий путь Сергея Владимировича Бахрушина // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М., 1961. № 2. С. 117–127.

⁵ Окладников А.П., Копылов А.Н. С.В. Бахрушин как историк Сибири // Бахрушинские чтения — 1966. Вып. 1. Новосибирск, 1968.

⁶ Колесников А.Д. С.В. Бахрушин о формах колонизации // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973.

ко снятием некоторых табу в изучении историков «старой школы», но и простимулировано 100-летним юбилеем в 1982 г. со дня рождения выдающегося ученого. Большой вклад в изучение научной биографии Бахрушина внес до сих пор крупнейший специалист в данном вопросе А.М. Дубровский. В 1978 г., предварительно опубликовав ряд исследований¹, он защитил кандидатскую диссертацию². Данную работу отличало введение в научный оборот ранее неопубликованных источников. В ней деятельность историка была разделена на три этапа. Первый этап продолжался до Октябрьской революции и характеризовался в политическом плане тяготением к позициям «буржуазного либерализма», а в научном смысле — к «буржуазному экономизму». Особое влияние на начинающего историка, по мнению Дубровского, оказали В.О. Ключевский, П.Н. Милюков и Н.П. Павлов-Сильванский³. Следующий этап был связан, по словам автора, с постепенным принятием Бахрушиным исторического материализма. Третий начался с «победы социализма» или, в историографическом плане, с известных постановлений о преподавании истории в школе 1934 г.⁴ Подводя итоги исследованию, автор утверждал, что «С.В. Бахрушину принадлежит крупнейший... вклад в изучение торгово-промышленной деятельности русского населения»⁵. В дальнейшем Дубровский продолжил разработку данной темы, освещая отдельные темы творчества знаменитого историка⁶.

Заметным событием в изучении творчества Бахрушина стала публикация небольшой монографии М.Б. Шейнфельда⁷. Во введении он вынужден был признать, что предыдущие работы об ученом страдали неко-

¹ Дубровский А.М. Формирование историографических воззрений С.В. Бахрушина // Историография и источниковедение: Сб. статей. М., 1978; *Он же*. Неопубликованные историографические работы С.В. Бахрушина в Архиве АН СССР // АЕ. 1978. М., 1979.

² *Он же*. Проблемы социально-экономической истории России XVI–XVII вв. в трудах С.В. Бахрушина (1882–1950): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1979.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С.9.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Дубровский А.М. Анализ зарубежной историографии истории СССР в трудах С.В. Бахрушина // Историография и источниковедение: Сб. статей. М., 1979. С. 69–82.; *Он же*. История Москвы в творчестве С.В. Бахрушина // Русский город. Вып. 5. М., 1982. С. 5–17; *Он же*. С.В. Бахрушин как историк русского купечества XVII в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории в трудах советских исследователей. Воронеж, 1985. С. 88–97.

⁷ Шейнфельд М.Б. С.В. Бахрушин и историография Сибири советского периода. Красноярск, 1980. Кроме того, ранее им была опубликована статья: *Методология работ С.В. Бахрушина по истории Сибири* // Вопросы историографии и

торой тенденциозностью: «Первые опыты марксистской критики, хотя правильно устанавливали буржуазные исходные позиции историка, не лишены были упрощенчества и одностороннего подхода»¹. Шейнфельд постарался дать более взвешенную оценку жизни и деятельности историка, в том числе и благодаря введению в научный оборот архивных источников. Так, отдельные недостатки работ ученого он объяснял не только наследием «буржуазной науки», но и общим состоянием советской исторической науки². Тем не менее автор также придерживается уже ставшей традиционной концепции эволюции Бахрушина от традиций дореволюционной исторической науки к стандартам советской историографии: «Деятельность Бахрушина началась как историка буржуазного направления, но по основным итогам научного творчества... он принадлежит марксистской историографии»³. Шейнфельд принял точку зрения, по которой в деятельности историка можно выделить три этапа. В своей книге автор проследил взгляды Бахрушина на основные проблемы сибиреведения. Отдельная глава касалась литературной составляющей работ историка, идущей от традиций Ключевского⁴.

Интерес к Бахрушину как историку Сибири нашел свое продолжение в диссертационном исследовании Н.Г. Башариной⁵. В этой работе впервые был проведен комплексный анализ вклада историка в изучение Сибири, обнаружены новые архивные материалы. Важным выводом автора стала мысль, что Бахрушин являлся «не исследователем-эмпириком, а историком с определенными теоретическими установками»⁶. По словам Башариной, «история Сибири занимала в творчестве С.В. Бахрушина доминирующее место», более того, он первым сумел вписать этот регион в общероссийский исторический процесс⁷.

Большого внимания заслуживает статья С.М. Каштанова, посвященная 100-летию юбилею историка⁸. В ней автор отказался от традиционной трехэтапной периодизации творческого пути Бахрушина

социально-экономического развития Сибири XIX–XX вв. Вып. 1. Красноярск, 1976. С. 106–134.

¹ Шейнфельд М.Б. С.В. Бахрушин и историография Сибири... С. 4.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 77–82.

⁵ Башарина Н.Г. С.В. Бахрушин как историк Сибири: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1982.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ Там же. С. 17, 19.

⁸ Каштанов С.М. Творческое наследие С.В. Бахрушина и его значение для советской исторической науки: (К столетию со дня рождения) // История СССР. 1982. № 6. С. 110–123.

и предложил выделить следующие этапы: «1) 1909–1917 гг.; 2) 1922–1930 гг.; 3) 1934–1940 гг.; 4) 1946–1950 гг.»¹. Выделение 1930 г. как завершающего рубежа, очевидно, является намеком на арест ученого по «Академическому делу», хотя в тексте об этом не говорится. Почему-то в периодизации выпали военные годы. В статье автор особое внимание обратил на методику источниковедческой работы, признав ее очень высоким уровнем².

Ранее неизвестный эпизод научной деятельности Бахрушина как члена общества изучения Московской губернии получил освещение в работе С.Б. Филимонова³. В 1984 г. выходит сборник статей, посвященный Бахрушинскому юбилею⁴. Сборник открывался предисловием, где отмечалось большое значение С. Бахрушина как ученого. Обобщающий характер носила статья А.М. Дубровского⁵. Н.И. Никитин рассмотрел сибиреведческие аспекты деятельности историка⁶. Е.П. Михайлова осветила ранее не известные страницы научной биографии ученого, рассмотрев его деятельность в годы Великой Отечественной войны⁷. Истории взаимоотношений С.В. Бахрушина и М.Н. Тихомирова коснулся С.О. Шмидт⁸. Значительный плюс сборника заключался в публикации воспоминаний об историке, ставших важным источником изучения его биографии.

Последней работой советского периода можно назвать статью О.Н. Вилкова, посвященную сравнительному анализу концепций колонизации Сибири С.В. Бахрушина и В.И. Шункова. Автор подчеркнул большое значение их идей для отечественной историографии Сибири, отметив, однако, что многое историческая наука рассматривает уже по-другому⁹. Подводя итоги советскому периоду изучения научного на-

¹ Там же. С. 111.

² Там же. С. 112.

³ *Филимонов С.Б.* С.В. Бахрушин — член общества изучения Московской губернии // АЕ. 1982. М., 1983. С. 211–214.

⁴ *Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента С.В. Бахрушина.* М., 1984.

⁵ *Дубровский А.М.* Освещение социально-экономической истории феодальной России в трудах С.В. Бахрушина // Проблемы социально-экономической истории России... С. 8–37.

⁶ *Никитин Н.И.* История Сибири в трудах С.В. Бахрушина // Там же. С. 37–56.

⁷ *Михайлова Е.П.* С.В. Бахрушин в годы Великой Отечественной войны // Там же. С. 57–62.

⁸ *Шмидт С.О.* С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров: (По архивным материалам) // Там же. С. 62–82.

⁹ *Вилков О.Н.* Концепции С.В. Бахрушина и В.И. Шункова о характере первоначального периода заселения и освоения Сибири русскими в конце XVI — на-

следия С. Бахрушина, нужно отметить, что оно рассматривалось в русле концепции его постепенного перехода от «буржуазного экономизма» к марксизму, тем самым было сформировано довольно упрощенное понимание исследовательской эволюции историка.

На современном этапе развития исторической науки появилась возможность осветить новые, подчас трагические эпизоды жизни историка. Первым в этом ряду стоит до сих пор единственное обобщающее монографическое исследование А.М. Дубровского, посвященное Бахрушину¹. Оставаясь, в общем, на тех же позициях, на которых были написаны его предыдущие работы, автор добавляет много ранее неизвестных фактов, по-новому оценивает отдельные эпизоды. В книге появляется до того не звучавшая тема взаимоотношения историка и власти. В этой связи автор писал: «Время, в которое жил Бахрушин, не всегда способствовало научным занятиям. Оно то открывало перед ним широкие возможности, то совершенно отнимало всякие условия для труда... Порой ученому трудно было не сбиться на конъюнктуру. Тип историка, работавшего по известному принципу „чего изволите“, был характерен для этого времени... И о таких людях надо помнить. Но наиболее памятны и ценны для науки те, кто, порой идя на неизбежный компромисс, сохранял и в то же время честное отношение к своему труду»². К последним относился и Бахрушин. Основные моменты биографии ученого Дубровский осветил в отдельных статьях³. Оригинальный подход к анализу исторических и общественно-политических взглядов Бахрушина Дубровский предложил в статьях, посвященных графическим рисункам историка⁴. Изучение рисунков ученого позволило пролить свет на восприятие Бахрушиным не только исторических, но и окружавших его деятелей. Последней работой исследователя о С. Бахрушине стала статья о педагогической деятельности ученого⁵.

чале XVIII в. в оценке советской историографии последних лет // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 65–85.

¹ Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992.

² Там же. С. 160.

³ Дубровский А.М. Из рода Бахрушиных // Краеведы Москвы. Вып. 2. М., 1995. С. 165–180; Он же. Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1: Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000. С. 192–206.

⁴ Он же. Опыт прочтения графического наследия С.В. Бахрушина // Рисунки писателей; Сб. статей. СПб., 2000. С. 364–387; Он же. Жизнь и графика историка // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Вып. 3. Брянск, 2004. С. 242–272.

⁵ Он же. С.В. Бахрушин — преподаватель Московского университета // АЕ за 2005. М., 2007. С. 314–329.

В работах А.А. Преображенского Бахрушин рассматривается в традиционном академическом ключе¹. По замечанию автора, «совместно с другими учеными той поры (Б.Д. Грековым, М.В. Нечкиной и др.) Бахрушин предложил достаточно стройную схему исторического развития России на протяжении веков»². Таким образом, Преображенский напоминал, что, несмотря на все перипетии судьбы, Бахрушин сыграл значительную роль в становлении советской историографической традиции и в конце жизни входил в истеблишмент советской науки.

Подводя итог историографического обзора работ, посвященных научной биографии Бахрушина, можно сделать вывод, что его деятельность получила всестороннее рассмотрение в научной литературе. Единственным малоизученным звеном является осмысление его творчества в рамках той историографической традиции, в которой он сформировался как историк, т. е. в рамках Московской исторической школы.

Таким образом, научные биографии Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.Б. Бахрушина изучены неравномерно. Доминировал персоналистский подход, приведший к тому, что их творчество оказалось в значительной степени оторвано от историографического контекста. Более того, невнимание к коллективистской составляющей их деятельности не позволило адекватно оценить вклад в науку. Характерной чертой проанализированной научной литературы является то, что приоритет отдавался изучению советского периода деятельности историков, тем самым были во многом пропущены дореволюционные годы формирования их как ученых, постепенного вхождения в элиту научно-исторического сообщества. В советское время это можно объяснить стремлением специалистов рассмотреть деятельность ученых в рамках схемы их постепенного перехода (как правило, неполного) к марксистской методологии, а в современной историографической науке — повышенным интересом к теме «историк — власть», в рамках которой судьбы московских историков в 1920–1950-е гг. оказывались в центре внимания, как наиболее типичные. Заполнение существующего пробела будет способствовать созданию целостной картины формирования, эволюции, а в дальнейшем и трансформации их научного творчества. Думается, что предложенный в данной работе угол зрения позволит целостно рассмотреть проблему.

¹ *Преображенский А.А.* Сергей Владимирович Бахрушин // *Историки России XVIII–XX веков.* Вып. 4. М., 1997. С. 113–122; *Он же.* Сергей Владимирович Бахрушин // *Историки России. Биографии.* М., 2001. С. 587–593.

² *Он же.* Сергей Владимирович Бахрушин // *Преображенский А.А.* Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 38.